

Я выбираю себя

Наталья Речевская

Наталья Рачевская

Я выбираю себя

«Автор»

2026

Рачевская Н.

Я выбираю себя / Н. Рачевская — «Автор», 2026

Наталье сорок два. Она учитель русского языка и литературы, репетитор, жена и мама двоих детей. А ещё у неё есть двадцать семь недописанных файлов, любовь к литературе и тихая, почти неловкая мечта — стать писательницей. Однажды она находит конверт, подписанный собственным почерком: «Открыть, когда решишь, что тебе уже поздно». Письмо приходит из будущего. Там Наталья живёт на севере Испании, пишет книги, встречается с читателями, а один из её романов готовят к экранизации. Но вместе с обещанием счастливой жизни письмо приносит предупреждение: мечта не должна становиться чужой красивой декорацией. Чтобы прийти к себе будущей, Наталье придётся не просто переехать в другую страну или написать бестселлер — ей придётся впервые по-настоящему выбрать себя. В каком-то смысле это и личный манифест, и книга-поддержка для тех, кто устал откладывать мечту на потом и однажды готов сказать себе: «Я выбираю себя».

© Рачевская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сентябрь 2026. День сурка с ароматом шарлотки	5
Глава 2. «Привет из будущего»	9
Глава 3. Семейный совет, на котором её нет	12
Глава 4. Первые строчки на салфетке	15
Глава 5. Второе письмо и первый бунт	18
Глава 6. Эффект бабочки на кухне	21
Глава 7. Ноябрь 2026. День рождения Егора	25
Глава 8. Письмо со штампом «Отказ»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Наталья Рачевская

Я выбираю себя

Глава 1. Сентябрь 2026. День сурка с ароматом шарлотки

Будильник на телефоне Натальи Нестеровой имел такое же отношение к нежному пробуждению, какое отбойный молоток имеет к утренней медитации. Он не просто звенел, он настойчиво вибрировал сквозь подушку прямо в черепную коробку, напоминая, что сегодня вторник, 8 сентября 2026 года, за окном классический питерский туман, а в раковине с вечера осталась кастрюля из-под гречки.

Наталья Александровна открыла глаза, секунду созерцала бледный потолок и тихо вздохнула. Ей было сорок два года. Физически она находилась в своей уютной трехкомнатной квартире, но ментально — где-то в районе Марианской впадины хронического недосыпа.

— Наташа, ты не видела мои синие носки? Не те, которые с ромбиками, а которые плотные, под новые туфли? — Голос Андрея донесся из недр гардеробной комнаты, сопровождаемый шуршанием вешалок. В свои пятьдесят лет муж Натальи обладал завидным постоянством: он искренне верил, что у вещей в доме есть ноги, и они уходят от него исключительно в моменты максимальной спешки.

— На второй полке справа, Андрей. В сером органайзере, который я купила специально для того, чтобы носки перестали играть с тобой в прятки, — отозвалась Наталья, даже не приподнимая головы от подушки.

— Их там нет! — донеслось в ответ с той детской обидой, на которую способны только взрослые, солидные мужчины, руководящие целыми отделами логистики.

Наташа сползла с кровати. Ноги автоматически нащупали мягкие домашние тапочки. Проходя мимо зеркала в прихожей, Наташа мельком взглянула на свое отражение. Учитель русского языка и литературы высшей категории. Волосы собраны в привычный пучок (не было сил распускать перед сном), под глазами — легкие тени от ночной проверки школьных сочинений. Обычная, понятная, надежная Наташа. Нестерова по паспорту — потому что четырнадцать лет назад, выходя замуж за Андрея Андреевского, поленилась менять кучу документов, дипломов. Тогда это казалось просто практичным решением, а сейчас ощущалось как крошечный, чудом уцелевший островок ее личной, отдельной от общей семейной экосистемы территории.

В гардеробной она молча подошла к органайзеру, протянула руку и достала синие носки. Они лежали ровно там, где она и сказала.

— Органайзер обладает пространственным карманом, не иначе, — пробормотал Андрей, целуя ее в щеку на ходу. От него пахло дорогим парфюмом и мятной зубной пастой. — Спасибо, родная. Я убегаю, у меня сегодня встреча с регионами. Буду поздно.

— Удачи, — мягко улыбнулась она, возвращаясь на кухню.

В кухонном пространстве уже разворачивалась драма шекспировского масштаба. Одинадцатилетняя Лиза, задрав ногу на стул, пыталась застегнуть молнию на узких черных джинсах. Лицо девочки выражало крайнюю степень экзистенциального отчаяния.

— Мама! Они сели! После стирки они сели ровно на три размера! Я не могу в этом пойти, надо мной весь шестой «Б» будет смеяться! — Лиза шумно втянула воздух, пытаясь совершить невозможное.

— Лиза, джинсы не сели. Ты просто выросла за лето на три сантиметра, и это прекрасно, — Наташа щелкнула кнопкой чайника и открыла холодильник. На нижней полке ждала своей участи вчерашняя шарлотка. Запах корицы и печеных яблок немного примирял с действительностью. — Надень серые брюки. Они свободные и модные.

— Серые брюки — это стиль «унылый бухгалтер»! — трагически воскликнула Лиза, падая на стул. — Егор, ну скажи ей!

Четырнадцатилетний Егор, сидевший за столом в наушниках, даже не повернул головы. Он методично, с хирургической точностью намазывал масло на тост. Егору в ноябре должно было исполниться четырнадцать, и он уже пару лет как практиковал режим абсолютного энергосбережения в семейных дискуссиях. Он был аналитиком по натуре, контролировал свои эмоции и наблюдал за миром вокруг с легким прищуром умудренного опытом старца. Егор снял один наушник, посмотрел на бьющуюся в истерику сестру, потом на уставшую маму.

— Джинсы нормальные. Просто не надо было вчера на ночь есть три эклера, — спокойно констатировал он и откусил тост.

— Ты чудовище! — взвизгнула Лиза, но джинсы все-таки оставила в покое и поплелась переодеваться.

Наташа вздохнула, нарезаая шарлотку на аккуратные треугольники. Ей казалось, что она работает диспетчером на оживленном перекрестке, где у всех участников движения сломаны тормоза. Семья Андреевских функционировала как часы только потому, что у этих часов была пружина по имени Наташа. Она помнила, у кого когда тренировка по волейболу, кому нужно сдать деньги на шторы, у какого репетиторского ученика западает тема с причастными оборотами и что купить к ужину.

— Мам, я сегодня после школы сразу на робототехнику. Буду в четыре, — Егор аккуратно поставил тарелку в раковину. — И да, ты забыла выпить свои витамины. Они на микроволновке.

Наташа удивленно посмотрела на сына. Действительно, оранжевая баночка стояла прямо перед носом.

— Спасибо, Егорушка. Глаз-алмаз.

К девяти утра Наташа уже стояла у доски в кабинете литературы. На нее смотрели двадцать пять пар глаз восьмиклассников, в которых читалось коллективное нежелание анализировать внутренний мир Евгения Онегина. Наташа искренне любила свой предмет. Когда-то, в прошлой жизни, до рождения детей, она преподавала в университете, писала серьезные статьи и думала, что филология — это ее крылья. Но университетские часы сократили, зарплата там стала символической, а школа давала стабильность, соцпакет и удобный график, позволяющий забирать Лизу из продленки. Так крылья были аккуратно сложены в чемодан и убраны на антресоли.

— Итак, ребята, почему Пушкин называет Онегина «философом в восемнадцать лет»? — Наташа прошлась между рядами. — Пожалуйста, Антонов, не спи. Философия и сон — вещи разные.

После школы отдых не наступил. В два часа дня Наташа уже сидела за кухонным столом дома, принимая первого репетиторского ученика — девятиклассника Никиту, который путал предлоги и союзы с упорством, достойным лучшего применения. К пяти часам вечера голова Натальи напоминала гудящий улей. На столе высилась стопка тетрадей, которые нужно было проверить до завтра, а в мыслях настойчиво крутился сюжет... Нет, не школьный.

Уже около года Наташа тайком, в самые редкие минуты тишины, думала об одной истории. Это было странное, яркое этно-фэнтези, замешанное на армянской мифологии, которую она когда-то изучала для кандидатской. Ей снились горы, покрытые туманом, древние храмы-монастыри, бог Трндаз и шумные, живые люди, говорящие на языке гор и ветра. Когда она мыла посуду или чистила картошку, ее пальцы словно сами выводили в воздухе контуры этой

вселенной. Но как только она открывала ноутбук, внутренний голос ехидно шептал: *«Какое фэнтези, Наташа? Тебе сорок два года. У тебя Егору куртку покупать надо и у Лизы зубы выравнивать. Займись делом»*. И она закрывала вкладку.

В районе шести вечера, когда Никита наконец ушел, а дети разбрелись по своим комнатам, Наташа поняла, что у нее закончилось молоко для утренней каши. Она накинула легкий плащ и вышла на улицу.

Сентябрьский воздух был прохладным и влажным. Возле парадной шуршали первыми желтыми листьями старые клены. Наташа дошла до угла, купила молоко и на обратном пути привычно заглянула в почтовый ящик. Обычно там лежали только квитанции за капремонт и рекламные листовки доставки суши.

Но сегодня среди хлама белел странный конверт.

Наташа достала его и остановилась прямо под козырьком подъезда. Конверт был сделан из плотной, очень качественной крафтовой бумаги, слегка шероховатой на ощупь. На нем не было штрихкодов, привычных наклеек Почты России. В правом верхнем углу красовалась необычная марка с изображением океанского побережья, маяка на скале и зеленых холмов, совершенно не похожих на питерские пейзажи. Но самое странное было в графе «Адресат».

Там размашистым, до боли знакомым почерком было написано: *«Наталье Александровне Нестеровой. Лично в руки. Отправлять строго в сентябрь 2026 года»*.

Наташа моргнула. Почерк был ее собственный. Тот самый, со слегка вытянутыми буквами «в» и характерным наклоном влево, за который её ругали еще в институте.

В графе «Дата отправления» стояло: **«12 сентября 2036 года»**.

— Что за глупый розыгрыш? — вслух произнесла Наташа. Сердце почему-то екнуло и забилось чуть быстрее. Первой мыслью было, что это Марина, ее неугомонная подруга, решила устроить какой-то психологический тренинг или квест. Марина любила подобные штуки: «Визуализируй свое будущее, Наташа, иначе так и умрешь между Онегиным и кастрюлей борща».

Наташа зашла в лифт, поднялась на свой этаж. Дома было тихо — дети притихли в комнатах. Она прошла на кухню, положила пакет с молоком в холодильник и села за стол, не снимая плаща. Плотный конверт лежал перед ней на клеенчатой скатерти рядом со стопкой школьных тетрадей.

Пальцы слегка дрожали, когда она надрывала плотный край бумаги. Внутри оказался один-единственный сложенный вдвое лист. От него исходил едва уловимый, но совершенно отчетливый аромат. Это не были духи. Наташа принюхалась и замерла: бумага пахла сухим горным чаем, соленым морским ветром и... чабрецом. Точно такой же запах она представляла, когда придумывала свою неписаную книгу про армянских богов.

Она развернула лист и начала читать.

«Привет, Наташа из сентября 2026-го.

Я знаю, что ты сейчас сидишь на кухне в своем бежевом плаще, который ты так и не сняла, потому что навалилась дикая усталость. У тебя гудит голова после девятиклассника Никиты, а в раковине, кажется, все еще стоит кастрюля из-под гречки, которую Андрей обещал помыть, но забыл.

Ты думаешь, что этот конверт — шутка Маринки. Так вот, это не шутка. Чтобы ты поверила, напоминаю: на твоём левом колене есть крошечный ирам в виде полумесяца — ты упала с забора в деревне у бабушки, когда тебе было семь, и никому об этом не рассказала, потому что тайно воровала соседские яблоки. А еще в нижнем ящике твоего комода, под постельным бельем, лежат дедушкины старые карманные часы, которые не ходят с двухтысячного года. Ты хранишь их как талисман.

Поверила? Надеюсь, что да, потому что у нас мало времени.

Мне сейчас пятьдесят два года. Я пишу тебе это письмо, сидя на веранде дома на севере Испании. За моей спиной шумит Бискайский залив, а на плите закипает кофе. Мои книги издаются огромными тиражами, а роман, который ты сейчас боишься даже начать писать в своем ноутбуке, прямо сейчас экранизирует один очень талантливый и очень хаотичный испанский режиссер.

Наташа, послушай меня внимательно. Перестань доедать за всеми остывшие котлеты. Перестань думать, что твои желания — это то, что можно отложить на лето, на пенсию, на "когда дети вырастут". Выбрать себя — не значит бросить Андрея, Егора и Лизу. Это значит просто вернуть себя в список живых людей.

Начни писать роман об армянских богах. Ты думаешь о нем каждый раз, когда моешь посуду. Хватит мыть посуду мыслями — переноси их на бумагу. Напиши хотя бы одну страницу сегодня ночью.

P.S. Андрей сегодня придет поздно и скажет, что ужин был невкусным, потому что пересолен. Не расстраивайся и не спорь. Он просто устал и боится потерять контроль над своей жизнью. Обними его.

Твоя Наталья Рачевская. Из будущего, где все получилось».

Наташа дочитала до конца. Строчки слегка расплывались перед глазами. Она судорожно вздохнула и прижала ладонь к груди. Сердце колотилось как сумасшедшее. Это было абсолютно невозможно, нелогично, безумно. Но шрам... и дедушкины часы... Об этом действительно никто не знал. Даже Андрей.

В прихожей повернулся ключ в замке. Раздался тяжелый шаг мужа.

— Наташ, я дома, — глухо отозвался Андрей. — Ну и день... На дорогах пробки жуткие. Что у нас на ужин?

Наташа быстро спрятала крафтовый конверт под стопку школьных тетрадей. Она встала, чувствуя, как внутри нее, где-то глубоко под слоями школьных планов и семейных забот, шевельнулось что-то давно забытое. Крошечная, теплая и очень упрямая искра.

Она сделала глубокий вдох, расправила плечи и пошла в прихожую — встречать мужа.

Глава 2. «Привет из будущего»

Наташа стояла в прихожей, глядя, как Андрей тяжело стягивает кожаные туфли. Плечи его были опущены, на лбу прорезалась глубокая складка — верный признак того, что на работе опять перекраивали логистические цепочки и кто-то из поставщиков снова сорвал сроки.

— Разувайся, раздевайся, — мягко сказала она, забирая у него портфель. — Ужин на плите. Котлеты и пюре.

Андрей прошел на кухню, на ходу ослабляя галстук. Наташа шла следом, чувствуя, как под домашними тапочками слегка поскрипывает старый паркет. Её взгляд замер на стопке тетрадей, под которой был спрятан крафтовый конверт. Письмо жгло стол даже сквозь плотную бумагу ученических сочинений.

Муж сел, положил локти на стол и устало потер лицо ладонями. Наташа наложила ему полную тарелку, подогрела и поставила перед ним. Сама садиться не стала — прислонилась к кухонному гарнитуру, скрестив руки на груди.

Андрей отрезал кусочек котлеты, прожевал, нахмурился.

— Наташ, ты пюре пересолила, — глухо сказал он, потирая виски. — И котлеты суховаты. На дорогах сегодня ад, три часа в пробке на Литейном. Весь день насмарку.

Сердце Наташи пропустило удар. *«Андрей сегодня придет поздно и скажет, что ужин был невкусным, потому что пересолен. Не расстраивайся и не спорь. Он просто устал... Обними его»*. Слова из письма вспыхнули перед глазами неоновыми вывесками. Она ведь действительно сыпанула соль на автомате, когда Лиза устроила истерику из-за джинсов. Но откуда она — та, из 2036 года — могла знать этот конкретный, глупый, бытовой момент?

Обычно в такие минуты Наташа либо начинала оправдываться («Я вообще-то весь день на ногах, у меня школа и репетиторство!»), либо молча обижалась, гремя посудой в раковине. Но сейчас внутри нее было слишком много звенящей, пугающей пустоты.

Она подошла к мужу сзади, положила ладони на его напряженные, каменные плечи и слегка сжала их. Андрей замер от неожиданности.

— Извини, дорогой, — тихо сказала Наташа, утыкаясь носом в его макушку. — День действительно сумасшедший. Ты устал. Ешь, как есть, или давай я яичницу сделаю?

Андрей обмяк. Его большая ладонь накрыла её пальцы на его плече. Он глубоко вздохнул, и вся его колючая, защитная агрессия куда-то испарилась.

— Ладно тебе, нормально всё. Пересолила и ладно. Просто на работе завал... Спасибо, Наташ.

Когда ужин был окончен, а семья расползлась по своим углам — Андрей уткнулся в рабочий чат на диване, Лиза затихла в наушниках, а Егор проверял что-то в своем расписании — Наташа заперлась в спальне. Она подошла к большому деревянному комоду, в котором хранилось постельное белье.

Руки слегка дрожали. Она открыла самый нижний ящик, пахнувший лавандовым саше. Просунула руку под стопку накрахмаленных пододеяльников, продвигаясь к самому дальнему, правому углу. Пальцы наткнулись на что-то твердое, завернутое в мягкую байковую тряпочку.

Наташа вытащила сверток и развернула его. На ладонь легли массивные серебряные карманные часы её дедушки. Корпус потемнел от времени, стекло было покрыто сеткой мелких царапин. Она не трогала их уже лет пятнадцать. Дедушка умер в двухтысячном, и тогда же часы остановились. Стрелки замерли на одиннадцати минутах пятого.

Она перевернула их. На задней крышке была едва заметная гравировка: «Н.А. от любящего деда Рачевского». Наташа погладила холодный металл. Письмо не лгало. Часы были здесь. И шрам на левом колене, скрытый сейчас плотными домашними брюками, тоже был на месте.

— Это бред, — прошептала она в темноту спальни. — Это просто коллективное помешательство. Кто-то за мной следит? Маринка?

Наташа вытащила телефон и набрала подругу. Марина ответила на третьем гудке, на заднем плане шумел телевизор.

— Маринка, привет. Скажи честно, это ты? — без предисловий спросила Наташа.

— Наташка? Что я? Ты про что вообще? — голос Марины звучал искренне удивленно. — Я только что маску из глины смыла, сижу, сериал смотрю. Что случилось-то?

— Мне в почтовый ящик подбросили письмо. Написано моим почерком. Из... из тридцать шестого года. И там написаны вещи, которые знаешь только ты. Ну, или которые вообще никто не знает. Про дедушкины часы в комод, например.

На минуту в трубке повисла тишина. Потом Марина расхохоталась — громко, раскати-сто, в своей обычной манере.

— Слушай, Нестерова, у тебя от твоего «Онегина» и проверки тетрадей совсем кукуха поехала? Какие часы? Какое письмо? Если это один из твоих одиннадцатиклассников так развлекается, то пацану пять за креативность! Сейчас же нейросети всякие есть, почерк подделать — раз плюнуть.

— Нейросети не знают, где лежат часы, Марин, — тихо обрубил Наташа. — И они не пахнут чабрецом.

Марина на том конце провода перестала смеяться. Её тон мгновенно стал собранным и деловым.

— Так, подруга. Спокойно. Давай логически. Кто имеет доступ к твоей квартире? Ты, Андрей, дети. Андрей отпадает, он у тебя романтик только по нечетным годам, и то если напомнить. Дети? Егор слишком правильный для таких квестов, Лиза бы проболталась через пять минут. Значит, это розыгрыш. Либо...

— Либо что?

— Либо ты сходишь с ума от усталости. Наташ, ты когда в последний раз отдыхала? Не так, чтобы «отдыхала, пока стирается белье», а по-настоящему? Ты же как робот. Школа, дом, репетиторы, кастрюли. Да у тебя мозг уже сам генерирует галлюцинации, лишь бы ты из этого беличьего колеса выскочила! Что в письме-то написано? «Бросай всё и лети на Гоа»?

Наташа присела на край кровати, сжимая в руке дедушкины часы.

— Нет. Там написано: *«Перестань доедать за всеми остывшие котлеты. Начни писать роман об армянских богах, ты думаешь о нем каждый раз, когда моешь посуду»*.

Марина вздохнула, и в этом вздохе было столько искренней, теплой поддержки, что у Наташи снова защипало в носу.

— Знаешь что... — мягко сказала Марина. — Даже если это чья-то злая шутка или твоя собственная усталость так шутит — текст-то правильный. Ты ведь реально доедаешь эти чертовы котлеты, Наташ. И про роман свой армянский мне все уши прожужжала три года назад, а потом зарыла талант в тетрадки по русскому. Знаешь что? Напиши. На зло всем шутникам. Сядь и напиши одну страницу. Посмотрим, что будет.

— Ладно, — выдохнула Наташа. — Ладно. Спасибо, Марин.

— Давай, писательница. Позвони завтра, расскажешь, как продвигается твой блокбастер.

Наташа повесила трубку. Она вернулась на кухню. Было уже одиннадцать вечера. Андрей уснул на диване, тихонько посапывая, под бубнящий телевизор. В комнатах детей погас свет. Дом погрузился в ту полусонную, вязкую тишину, которую Наташа обычно использовала, чтобы допроверить оставшиеся тетради.

Она подошла к раковине. Там, как и предсказывало письмо, сиротливо стояла кастрюля из-под гречки. Андрей забыл её помыть.

Наташа включила теплую воду. Взяла губку. Нанесла каплю средства. И вдруг замерла.

«Ты думаешь о нем каждый раз, когда моешь посуду. Хватит мыть посуду мыслями — переноси их на бумагу».

Она выключила воду. Вытерла руки полотенцем. Посмотрела на стопку тетрадей восьмого «Б». Они подождут. Земля не остановится, если завтра Савельев не узнает свою тройку за изложение на первом уроке.

Наташа прошла в гостиную, взяла свой старенький ноутбук Asus, на крышке которого красовалась наклейка с котиком, приклеенная Лизой года три назад. Вернулась на кухню. Открыла крышку. Экран полоснул по глазам ярким белым светом.

Она создала новый документ в Word. Курсор призывно и методично мигал на чистой странице, словно подгоняя её: *«Ну же, Наташа. Давай. Сделай это».*

Пальцы зависли над клавиатурой. Сердце колотилось где-то в горле. Ей казалось, что она совершает преступление, крадет время у собственной семьи, у сна, у своей правильной, расписанной по минутам жизни. Но перед глазами стояли строчки: *«Выбрать себя — не значит бросить Андрея, Егора и Лизу. Это значит просто вернуть себя в список живых людей».*

Наташа закрыла глаза, сделала глубокий вдох, вспоминая свой давний, запрятанный глубоко в подсознание сон. Горы. Острые, как резцы, вершины Арагаца, прорезающие тяжелые, свинцовые тучи. Запах сухой земли, чабреца и раскаленного камня. И он — Трндаз, бог молодого солнца и огня, спускающийся к людям в облике рыжеволосого пастуха с глазами цвета янтаря.

Она открыла глаза и решительно ударила по клавишам.

«В тот год осень в горах началась слишком рано. Сентябрь принес с собой не прохладу, а тяжелый, густой туман, который сползал со склонов, пряча в своих складках древние монастыри...»

Слова, которые раньше теснились в её голове и гасли под грузом быта, теперь хлынули на экран чистым, бурным потоком. Наташа писала, и ей казалось, что с каждым стуком клавиш с её плеч спадает огромная, налитая свинцом плита. Она не замечала времени. Она не слышала, как за окном припустил мелкий питерский дождь.

Когда она наконец перевела дыхание и взглянула на правый нижний угол экрана, часы показывали **02:45**.

На странице красовался плотный, живой текст — почти три тысячи знаков. Начало было положено.

Наташа улыбнулась — впервые за этот долгий, изматывающий день совершенно искренне и легко. Она закрыла ноутбук, встала, чтобы пойти спать, и вдруг почувствовала, что воздух на кухне изменился.

Она принялась. Сквозь привычные запахи закрытой квартиры, сквозь тонкий аромат остывшей шарлотки пробивался другой запах. Свежий, резкий, дикий. Так пахнет горный ветер после грозы, когда он проносится над зарослями цветущего чабреца.

Наташа посмотрела на закрытое пластиковое окно. За ним был только серый питерский туман и провода. Но магия — мягкая, едва заметная, как подсказка во сне — уже вошла в её дом. И обратного пути не было.

Глава 3. Семейный совет, на котором её нет

Утро среды началось для Натальи Нестеровой с ощущения, будто ночью её похитили инопланетяне, стерли часть оперативной памяти, а вместо неё загрузили файлы с горными пейзажами и рыжеволосыми богами. Она спала всего три часа, но странное дело — вместо привычной свинцовой усталости внутри дрожало лихорадочное, почти девичье возбуждение.

Наташа стояла у плиты, помешивая овсянку. Мыслями она всё ещё была там, в документе «Документ1.docx», где три тысячи знаков живого текста пахли чабрецом. Она поймала себя на том, что улыбается, глядя на пузырящуюся кашу.

— Мам, каша сейчас сбежит. Как Онегин из деревни, — раздался за спиной спокойный голос Егора.

Наташа вздрогнула, быстро выключила конфорку и повернулась к сыну. Егор уже сидел за столом, безупречно причесанный, в отглаженной школьной рубашке. Перед ним лежал планшет, где он изучал график занятий по программированию.

— Спасибо, Егор. Я просто... задумалась, — Наташа положила ему кашу.

— Ты в последнее время часто задумываешься, — заметил сын, не поднимая глаз от экрана. — У тебя зрачки расширены и фокус рассеян. Ты проверяла щитовидку? В твоём возрасте полезно сдавать ТТГ раз в год.

Наташа поперхнулась воздухом. — Егорушка, мне сорок два, а не восемьдесят два. С моей щитовидкой всё в порядке. Просто... творческий подъем.

В кухню, отчаянно зевая и волоча за собой пушистый хвост розового халата, вошла Лиза. За ней, на ходу застегивая пуговицы на рубашке, следовал Андрей. Лицо мужа выражало крайнюю степень сосредоточенности, какую обычно можно увидеть у саперов, разминирующих сложный объект.

— Наташа, — вместо приветствия произнес Андрей, садясь за стол и сразу пододвигая к себе чашку с кофе. — Нам нужно серьезно поговорить. Сегодня вечером садимся за большой семейный совет. Месяц до моего пятидесятилетия, а у нас конь не валялся. Ресторан не выбран, список гостей не утвержден, а тут еще в машине что-то застучало. Настоящий стук, понимаешь? Сзади справа. На кулак подвески похоже или на амортизатор. Если это амортизатор — нам придется урезать бюджет на банкет.

Наташа поставила перед ним тарелку и села напротив. Сердце забило чаще. Вот он, момент. Она ведь может рассказать ему прямо сейчас. Поделиться тем невероятным, пугающим и прекрасным, что случилось с ней ночью. Ну и что, что это звучит как бред? Они четырнадцать лет в браке, они же близкие люди!

— Андрей, — Наташа подалась вперед, заглядывая ему в глаза. — Насчет банкета... и вообще. Знаешь, у меня тут такое произошло. Я вчера... я, кажется, начала писать. Ну, помнишь, я рассказывала тебе про задумку романа? Про армянские мифы, про Трндаза? Я вчера ночью села за ноутбук и...

— погоди, Наташ, — Андрей поднял указательный палец, даже не дослушав предложение, и углубился в телефон. — Извини, сейчас, логист пишет... Да, Коля, разгружайте на третьем терминале... Всё, извини. Так что ты говорила? Какая Армения? Мы же вроде решили в Дагестан следующим летом лететь, если с подвеской решим. Так вот, про юбилей. Моя мама настаивает на ресторане «Екатерининский двор». Но там ценник — три с половиной тысячи с человека без алкоголя! Это грабеж. Егор, как ты думаешь, «У камина» на проспекте Просвещения — это слишком просто для пятидесятилетия руководителя отдела?

— «У камина» — это шашлычная с караоке, пап, — сухо ответил Егор, не отрываясь от планшета. — Твои замы из головного офиса не поймут. Имиджевые потери составят около двадцати процентов уважения. Лучше выбрать средний лофт и заказать кейтеринг.

— О, лофт! — оживилась Лиза, размазывая джем по тосту. — Там можно сделать неоновую фотозону! И пригласить диджея. Мама, можно я на папин юбилей куплю то платье с пайетками из ZARA? Ну пожалуйста! Все девочки в классе уже ходят в пайетках, а я как сирота в этих серых брюках!

Наташа смотрела на них троих, и внутри неё медленно оседала холодная, привычная пыль. Они говорили одновременно. Их голоса переплетались, спорили, выстраивали стратегии вокруг грядущего юбилея Андрея, стоимости замены амортизаторов и платья в пайетках. Это был слаженный, работающий механизм, где каждый четко знал свою роль.

Роль Наташи в этом механизме была проста: обеспечивать тыл. Быть той, кто выслушает про стук в подвеске, согласует меню с капризной свекровью, найдет деньги на платье Лизы и проконтролирует, чтобы у всех были чистые рубашки. Её собственное «я», её ночной прорыв, её сумасшедшее письмо из будущего — всё это было шумом, помехой на частоте вещания кухонного радио. Она попыталась вставить слово, но её голос просто утонул в бурном обсуждении кейтеринга. Наташа физически сидела на этом стуле, но для своей семьи в это утро она была абсолютно невидима. Семейный совет уже начался, но её на нем не было.

В два часа дня Наташа сидела в маленьком уютном кафе «Кофе и корица» через дорогу от школы. Напротив неё, изящно покачивая туфлей на шпильке, сидела Марина. Подруга выглядела как всегда безупречно: яркое пальто цвета фуксии, безумные крупные серьги и идеальное каре. Марина работала дизайнером интерьеров, замуж не собиралась и относилась к жизни с легкой, здоровой иронией.

— То есть ты хочешь сказать, — Марина отпила глоток латте и прищурилась, — что ты выдала им экзистенциальную драму про пробуждение творческого «Я», а твой Андрей ответил тебе лекцией про правый амортизатор?

— Именно, — Наташа устало опустила голову на ладони. — Он даже не дослушал. Я сидела там и понимала: если я сейчас загорюсь и исчезну, они заметят это только тогда, когда в доме закончатся чистые носки и чистые тарелки.

— Привет, дорогая реальность, — хмыкнула Марина. — А чего ты ждала? Твой Андрюша — прекрасный мужик, надежный, как швейцарский сейф. Но у него устройство мозга линейное. Стук в машине — это проблема. Юбилей — это проект. Твой роман про богов — это... ну, милое хобби жены, вроде вязания прихваток. Пока это хобби не мешает вовремя подавать ужин, он в него вникать не будет.

Наташа вытащила из сумки крафтовый конверт и аккуратно положила его на стол между чашками. — Марин, посмотри на это. Только серьезно. Без шуток про нейросети.

Марина взяла конверт. Её ухоженные пальцы с идеальным маникюром прошли по шероховатой бумаге. Она поднесла его к лицу, принялась. Её брови удивленно взлетели вверх.

— Слушай... Пахнет реально круто. Какими-то травками дикими. И море. Слушай, а где в Питере можно купить такую бумагу? Я бы для эскизов заказала.

— Это не в Питере, Марин. Там марка. Посмотри на штамп. 2036 год. Север Испании.

Марина вытащила сложенный лист, быстро пробежала глазами по тексту. По мере чтения её лицо менялось — от ироничной ухмылки до искреннего, глубокого изумления. Она дошла до строчки про дедушкины часы и шрам, подняла глаза на Наташу.

— Ладно. Допустим. Допустим, я тебе верю, потому что про шрам от кражи соседских яблок ты мне рассказывала на первом курсе под подпиской о невыезде. И про часы эти дурацкие я знаю — ты их в общежитии в коробке из-под обуви хранила. Но Наташка... Это же... это же чертова магия! Так не бывает!

— Я знаю, что не бывает, — тихо сказала Наташа, размешивая сахар в остывающем чае. — Но я вчера села и написала три тысячи знаков. Впервые за три года. И когда я закрыла ноутбук, на кухне пахло чабрецом. Марин, мне страшно. Вдруг я правда схожу с ума?

Марина резко подалась вперед, перегнувшись через стол, и схватила Наташу за запястье. Глаза подруги горели лихорадочным блеском.

— Слушай меня сюда, Нестерова. Если ты сходишь с ума — то делай это стильно! Ты видела, что тут написано? Бестселлеры! Экранизация! Испания! Океан! Да какая разница, кто прислал это письмо — вселенная, твоя шизофрения или реальная ты из будущего. Главное — это работает! Ты писать начала? Начала!

— Начала... — призналась Наташа.

— Вот и пиши дальше! Каждый божий день. Приходишь домой, кормишь своих Андреевских котлетами, выдаешь Егору ТТГ, Лизе — пайетки, а сама — марш в шкаф, в подполье, куда угодно, и пиши! Напиши хотя бы страницу сегодня. Пусть это будет твоя тайная комната. Твой личный бункер.

Наташа посмотрела на подругу, и в груди снова разлилось то самое теплое, щемящее чувство. Марина была права. Какая разница, откуда пришло волшебство, если оно наконец-то заставило её дышать?

Вечером дома действительно состоялся тот самый «большой семейный совет». Андрей разложил на большом обеденном столе распечатки меню трех разных ресторанов, Егор сидел с калькулятором, а Лиза листала сайт с платьями.

— Итак, — торжественно объявил Андрей, потирая руки. — Если мы отказываемся от «Екатерининского двора» в пользу лофта, мы экономим порядка сорока тысяч. Это как раз покрывает ремонт подвески и покупку новых шин. Наташа, ты как считаешь? Какое меню выберем для кейтеринга? Мясное или рыбное? Моя мама рыбу не ест, у неё, видишь ли, изжога.

Наташа сидела на краю стула. В её кармане лежал телефон, где в заметках уже были набросаны три новые строчки о том, как бог Трндас превратил камни в тлеющие угли.

— Давайте мясное, — спокойно сказала она. — Мама будет довольна.

— Отлично! — Андрей сделал пометку в блокноте. — Наташа, ты золото. Что бы мы без тебя делали. Егор, занеси в таблицу. Лиза, платье поищи подешевле, со скидкой.

Семейный совет продолжался еще около часа. Они спорили о количестве бутылок вина, о рассадке родственников, о том, стоит ли звать двоюродного дядю из Пскова. Наташа кивала, улыбалась, вовремя вставляла нужные реплики. Она была идеальной декорацией, надежной опорой для их общего праздника.

Но внутри неё, за этой идеальной витриной, уже вовсю кипела другая жизнь. Наташа смотрела на мужа и детей и впервые чувствовала не глухую обиду, а легкую, светлую отстраненность. Она любила их. Очень любила. Но теперь у неё была тайна. Её собственный, скрытый от всего мира океан, на берегу которого она обязательно окажется.

Когда в полночь квартира наконец затихла, Наташа снова открыла ноутбук. Кастрюля из-под гречки так и осталась невытой — Андрей снова забыл. Но Наташа даже не посмотрела в сторону раковины. Она нажала Enter, перевела курсор на новую строку и начала писать вторую страницу.

А в воздухе над кухонным столом едва заметно, призрачно закружился тонкий, едва уловимый аромат соленого морского ветра.

Глава 4. Первые строчки на салфетке

К пятнице 11 сентября 2026 года туман над Санкт-Петербургом окончательно превратился в плотную, серую взвесь, которая не падала дождем, а просто висела в воздухе, оседая каплями на ресницах и стеклах очков. В учительской тридцать второй гимназии пахло мокрыми зонтами, пережаренным кофе из старой кофеварки и вселенской скорбью.

Наталья Александровна Нестерова сидела за своим угловым столом, заваленным тетрадями в блекло-зеленых обложках. Перед ней высилась стопка из двадцати шести работ десятиго «А». Тема сочинения была классической, как сам гранитный Петербург: «Образ Катерины в драме Островского "Гроза" — бунт или смирение?».

Наташа взяла красную ручку, открыла первую тетрадь и устало вздохнула.

«Катерина была лучем света в темном царстве, потому что она не хотела жить по законам Кабанихи и предпочла прыгнуть в Волгу, чем терпеть абьюз со стороны Тихона», — старательно вывел размашистым почерком Сережа под номером четырнадцать.

Наташа автоматически подчеркнула слово «лучем», вынесла на поля букву «О» и поморщилась от слова «абьюз». Современные дети упорно пытались перевести русскую классику на язык психологических подкастов.

Она перевернула страницу, собираясь исправить очередную пунктуационную катастрофу, но взгляд её наткнулся на чистый оборотный лист обложки. И в ту же секунду в голове, словно кто-то переключил тумблер старого радиоприемника, зазвучал совсем другой текст.

«В горах солнце не просто встает. Оно раскалывает небо надвое, и лучи бога Трндаза падают на камни, как расплавленное золото. Земля под ногами Анаит была такой горячей, что её глиняный кувшин казался ледяным...»

Наташа замерла. Красная ручка зависла над тетрадью Сережи. Ей до боли, до физического зуда в пальцах захотелось записать эти строчки. Но ноутбук остался дома. Открыть рабочий файл на школьном компьютере? Исключено, в любой момент в кабинет может заглянуть завуч Валентина, во всем блеске своего административного гнева.

Наташа лихорадочно огляделась. На столе лежал бумажный стаканчик из-под кофе, а под ним — обычная серая бумажная салфетка из школьной столовой. Наташа вытащила её. Пальцы слегка подрагивали. Забыв про Катерину, Островского и Волгу, она взяла красную ручку и начала быстро, убористо писать на мягкой, пористой бумаге салфетки. Капиллярные чернила расплывались, но буквы ложились плотно, цепляясь друг за друга.

«Анаит знала: если огонь в очаге погаснет, туман заберет деревню. Боги не прощают забывчивости. Они питаются не жертвами, а нашей памятью».

— Наталья Александровна? — Голос Валентины Ивановны прозвучал как выстрел стартового пистолета.

Наташа инстинктивно, с ловкостью заправского шпиона, накрыла салфетку ладонью, а сверху припечатала тетрадь Сережи.

Завуч, грузная женщина с высокой прической, зафиксированной тройным слоем лака, проплыла в кабинет. Её бдительный взгляд сразу зафиксировал красную ручку в руке Натальи.

— Проверяете «Грозу»? Молодцы. Обратите внимание, в этом году на ОГЭ по литературе будут жесткие критерии по аргументации. Никакой отсебятины. Всё строго по тексту. И не забывайте про план воспитательной работы на четверть, вы мне его еще в среду должны были сдать.

— Да, конечно, Валентина Ивановна, сегодня к вечеру всё заполню в электронном журнале, — Наташа послушно кивнула, чувствуя, как под её ладонью бумажная салфетка... согревается.

Это не было обычным теплом человеческого тела. Салфетка под тетрадь Островского становилась горячей, словно под неё подложили миниат грелку. Настоящее, живое тепло сухого камня, нагретого южным солнцем.

Когда завуч наконец покинула кабинет, оставив после себя шлейф тяжелых духов «Красная Москва», Наташа осторожно убрала тетрадь. Она посмотрела на салфетку. Красные чернила на серой бумаге словно слегка светились по краям. Но самым невероятным было не это.

В пустом кабинете учительской, где окна были наглухо закрыты от питерской сырости, явственно, густо и осязаемо запахло горным чаем. Это был сложный, терпкий аромат: сушеная шиповниковая кожура, листья дикой мяты и чабрец. Запах был настолько сильным, что Наташа испугалась — сейчас зайдет кто-то из коллег и спросит, почему она заваривает кавказские травы прямо на рабочем месте.

Она быстро сложила салфетку вчетверо и спрятала её в самый глубокий карман своей кожаной сумки, прямо рядом с паспортом и кошельком. Запах тут же стал тише, но не исчез совсем, он остался легким шлейфом, преследуя её до самого конца рабочего дня.

Дома хаос катился по привычным рельсам. Андрей приехал в районе семи, снова хмурый, и с порога объявил, что записал машину на диагностику на субботу. Лиза сидела на полу в гостиной, окруженная учебниками по английскому, и со слезами на глазах пыталась понять разницу между Present Perfect и Past Simple. Егор молча собирал сумку на тренировку.

— Наташа, ты не знаешь, где мой серый джемпер? — крикнул Андрей из спальни. — Тот, который с круглым вырезом. Мне завтра на объект ехать, надо что-то попроще надеть.

— На вешалке в дальнем углу, Андрей, под твоим пиджаком, — отозвалась Наташа, нарезаая овощи для салата.

Она поймала себя на мысли, что делает всё это на абсолютном автопилоте. Её руки мыли, резали, раскладывали, а мозг в это время лихорадочно достраивал сцену на салфетке. Ей нужно было узнать, что сделает Анаит, когда туман доползет до ворот храма. Ей нужно было записать это. Каждое движение по дому казалось ей теперь затянувшимся антрактом в театре, где на сцене давали самый интересный спектакль в её жизни.

— Мама, я ничего не понимаю в этих дурацких временах! — Лиза в сердцах захлопнула учебник. — Зачем им два прошлых времени? Ну было и было, какая разница, есть результат сейчас или нет! Британцы просто издеваются над людьми!

Наташа отложила нож, вытерла руки полотенцем и подошла к дочери. Она села рядом с ней на ковер, мягко притянула девочку к себе.

— Смотри, Лизок, всё очень просто, — Наташа улыбнулась, вспоминая свои университетские лекции. — Past Simple — это когда что-то умерло и осталось в прошлом. Например: "Я купила джинсы три года назад". Они тебе малы, ты про них забыла, это просто факт истории. А Present Perfect — это когда прошлое протягивает руки в твое настоящее и меняет его прямо сейчас. Например: "Я нашла удивительное письмо". Ты нашла его вчера, но думаешь о нем каждую секунду сегодня, и твоя жизнь от этого уже меняется. Понимаешь связь?

Лиза удивленно посмотрела на маму. — Ого. Так понятнее. Про джинсы и письмо — это прикольно. Мам, а ты какое письмо нашла?

Наташа на секунду замерла, её сердце пропустило удар. Она ласково щелкнула дочь по носу. — Это просто пример, егоза. Давай, открывай тетрадь, запишем схемы.

В одиннадцать вечера, когда все улеглись, Наташа устроилась на кухне. Она достала из сумки ту самую серую салфетку. Она уже остыла, но когда Наташа развернула её, по кухне снова поплыл тонкий, едва уловимый аромат чабреца. Это было её маленькое, карманное чудо. Мягкая сказка, которая прорастала сквозь питерские будни, не разрушая их, а делая объёмными и глубокими.

Она открыла ноутбук, перепечатала текст с салфетки в документ и продолжила писать. Строчки ложились легко, словно кто-то невидимый диктовал ей их прямо в сознание. Она

писала о том, как важно не гасить внутренний огонь, даже если весь мир вокруг затягивает серым, унылым туманом.

Вдруг экран ноутбука мигнул. В правом нижнем углу, прямо над часами, на секунду всплыло странное системное уведомление. Там не было текста ошибки. Там были написаны слова, выполненных красивым, округлым шрифтом:

«Ты всё делаешь правильно. Пиши».

Наташа зажмурилась, потрясла головой и снова открыла глаза. Уведомление исчезло. Часы показывали 01:15.

Она аккуратно свернула салфетку, положила её между страниц своего рабочего блокнота и закрыла ноутбук. Ей больше не было страшно. Какая разница, что происходит вокруг, если прямо сейчас, на этой серой кухне, она возвращала себе саму себя — страницу за страницей.

Глава 5. Второе письмо и первый бунт

Субботнее утро 12 сентября 2026 года началось с затяжного прыжка в реальность. Андрей уехал на диагностику машины ни свет ни заря, оставив на кухонном столе пустую чашку из-под кофе и недоеденный бутерброд. Наташа привычно стерла крошки, бросила взгляд на календарь, висящий на холодильнике, и её сердце на секунду замерло.

Сегодня была их годовщина. Четырнадцать лет со дня свадьбы. Дата не круглая, но для Наташи всегда важная — день, когда они, молодые, весёлые и безумно влюбленные, праздновали начало своего общего «навсегда» в маленьком ресторанчике на набережной.

Она улыбнулась, предвкушая вечер, и потянулась к сумке за кошельком, чтобы составить список продуктов для праздничного ужина. Но когда она открыла сумку, то замерла. Внутри, прямо поверх кошелька, лежал плотный, шероховатый крафтовый конверт. Точно такой же, как первый.

Наташа оглянулась на пустую кухню, словно воровка, быстро вытащила письмо и вскрыла его. Почерк — стремительный, её собственный — мгновенно вернул её в состояние лёгкого транса. От листа шёл сильный, волнующий аромат осеннего моря и свежесваренного кофе.

«Привет, Наташа. Сегодня 12 сентября 2026 года, и я знаю, что ты смотришь на календарь.

Послушай меня. Андрей забудет про вашу годовщину. Не потому, что он тебя больше не любит. У него на сервисе найдут проблему с коробкой передач, ему выставят счёт на половину его месячной зарплаты, и в его мужской голове просто выключится сектор, отвечающий за романтику. Он придет домой хмурый, уткнётся в ноутбук и не вспомнит про цветы.

Не плачь. Не устраивай сцен. И, ради бога, перестань судорожно запекать мясо по-французски, надеясь, что запах мяса напомнит ему о празднике. Сделай то, чего никогда не делала. Надень своё лучшее зелёное платье, возьми блокнот и иди в кафе одна. Закажи самый дорогой десерт. Выбери себя хотя бы на эти два часа. Семья не пропадёт без ужина, поверь мне.

Твоя Н.Р.»

Наташа медленно опустила руку с письмом. Внутри поднялась волна противоречивых чувств: отчаянное желание доказать, что её будущее ошибается, и глухой, подступающий к горлу страх, что всё произойдёт именно так. Андрей не мог забыть. Он ведь всегда помнил! Ну, или почти всегда. В прошлом году он вспомнил в самый последний момент, купив букет у метро, но всё же!

Весь день Наташа ходила как по колено в воде — движения были замедленными, мысли путались. Она провела два урока с репетиторскими учениками, проверила сочинения, но упорно не прикасалась к духовке. Никакого мяса по-французски.

В шесть вечера в прихожей раздался скрежет ключа. Наташа вышла встречать мужа, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугий узел. Андрей вошёл, швырнул ключи на тумбочку так, что они со звоном отскочили на пол. Лицо его было бледным и злым.

— Это просто катастрофа, — вместо приветствия бросил он, стягивая куртку. — Там не подвеска стучала. Там коробка передач накрывается. Ремонт — сто пятьдесят тысяч, Наташа! Сто пятьдесят! Где я их сейчас возьму? Юбилей этот ещё на носу... Ужас. Просто ад какой-то.

Он прошёл мимо неё на кухню, даже не взглянув на её лицо. Сел за стол, открыл ноутбук и начал лихорадочно что-то печатать, бормоча под нос цифры.

Наташа стояла в дверях кухни. Её руки висели вдоль тела. Ни цветов. Ни «поздравляю, любимая». Ни единого намёка на то, что этот день для них двоих значит чуть больше, чем обычная суббота. Будущее наступило со стопроцентной точностью, безжалостно раздавив её хрупкую надежду.

Внутри Наташи что-то горячо и остро кольнуло. Привычный сценарий требовал: зайти на кухню, начать тихо и обиженно греметь кастрюлями, дожидаться, пока он спросит «что случилось?», и выдать холодное «ничего». А потом полночи плакать в подушку от жалости к себе.

«Сделай то, чего никогда не делала», — прозвучал в голове далёкий голос.

Наташа глубоко вздохнула. Впервые в жизни она приняла решение не головой, а каким-то глубинным, древним инстинктом самосохранения.

— Лиза! Егор! — громко позвала она.

Из комнат высунулись дети.

— Мама уходит, — спокойно сказала Наташа. — Ужина на плите нет. В холодильнике есть вчерашний суп и пельмени в морозилке. Андрей, ты за старшего. Поешьте сами.

Андрей даже головы не поднял от экрана, махнув рукой: — Да, хорошо, Наташ, я займусь... Погоди, куда уходишь?

Но Наташа уже не отвечала. Она зашла в спальню, открыла шкаф и достала то самое изумрудно-зелёное шелковое платье, которое покупала два года назад на свадьбу к коллеге и с тех пор ни разу не надевала. Оно сидело идеально. Она распустила волосы, быстро накрасила губы помадой чуть ярче обычной, подхватила сумочку, в которой лежал рабочий блокнот, и вышла в прихожую.

— Мама... ты такая красивая. Ты куда? — Лиза удивленно округлила глаза, глядя на преобразившуюся мать.

Егор, стоявший чуть позади, внимательно посмотрел на Наташу, перевёл взгляд на уткнувшегося в ноутбук отца, и на его губах появилась едва заметная, взрослая, понимающая улыбка.

— Иди, мам. Мы разберёмся с пельменями, — тихо сказал Егор.

Наташа подмигнула сыну, повернула замок и шагнула за порог. Её сердце колотилось так, словно она совершала побег из тюрьмы Алькатрас. Ей было сорок два года, и она впервые в жизни бросила семью без ужина в день собственной годовщины свадьбы. Это был бунт. Маленький, бесшумный, но абсолютный.

Через пятнадцать минут она уже сидела в небольшом французском кондитерском ресторанчике «Дюпон» на соседней улице. Здесь было тепло, мягко горели винтажные лампы, а в воздухе стоял умопомрачительный запах свежей выпечки и ванили.

Наташа выбрала столик у окна, выходящего на оживленный проспект. Она заказала себе чашку правильного, крепкого американо и самый большой, невероятно красивый кусок черничного торта с белым кремом.

Когда перед ней поставили этот кондитерский шедевр, Наташа замерла. Она была одна. Ей не нужно было никого кормить, никого слушать, ни под кого подстраиваться. Весь этот стол, этот торт, этот вечер принадлежали только ей. Она взяла маленькую ложечку, отломил кусочек торта и закрыла глаза от наслаждения. Это был вкус её свободы. Немного сладкий, немного терпкий, невероятно глубокий.

Она достала из сумки свой блокнот и ручку. Открыла чистую страницу.

И магия, почувствовав её внутреннее освобождение, хлынула наружу без всякого стеснения. Едва Наташа вывела первую букву новой главы своего этно-фэнтези, как пространство вокруг неё мягко изменилось. Шум машин за окном стал тише, трансформировавшись в далёкий, убаюкивающий гул океанского прибоя. Свет от ламп потеплел, приобретя золотистый, солнечный оттенок.

Наташа писала о том, как Анаит впервые оставила свой пост у священного огня и ушла к подножию горы, просто чтобы посмотреть на цветущие сады, которые она никогда не видела. Она писала быстро, строчки летели, буквы танцевали. Вокруг её столика в кондитерской начал концентрироваться плотный, почти осязаемый аромат сухого чабреца, горного ветра и костра.

Сидевшая за соседним столиком пара удивленно огляделась, а официант, проходивший мимо, вдруг глубоко вдохнул воздух и улыбнулся, прикрыв глаза.

Наташа писала два часа. За это время телефон в её сумке трижды вибрировал. Два раза звонила Лиза — вероятно, не могла найти кастрюлю для пельменей, и один раз Андрей. Наташа не взяла трубку. Не из мести. А просто потому, что прямо сейчас она была занята. Она выбирала себя.

Когда блокнот был исписан наполовину, Наташа закрыла его. Она допила остывший кофе, расплатилась и вышла на улицу.

Питер встретил её прохладой, но внутри Наташи горел такой мощный, ровный огонь, что ей было тепло. Она шла домой неторопливым, уверенным шагом. Страх исчез. На его месте появилось спокойное знание: её мир не разрушился от того, что она ушла на два часа. Небо не упало на землю.

Когда она открыла дверь квартиры, в прихожей пахло... жареными пельменями и лёгкой гарью. Из кухни доносился весёлый смех Лизы и басовитый голос Андрея, который увлечённо рассказывал детям, как в студенчестве они жарили пельмени прямо в общежитии на утёге.

Наташа вошла на кухню. На столе стояла сковорода с аппетитными, слегка подгоревшими «ушками», Анд

Андрей встал со стула. Он посмотрел на Наташу — яркую, красивую, пахнущую ветром и чабрецом, и в его глазах впервые за весь день мелькнуло осознание. Он судорожно залез в карман домашних брюк, достал телефон, посмотрел на дату и побледнел.

— Наташ... — тихо, с огромным чувством вины сказал он. — Наташка. Сегодня же двенадцатое. Четырнадцать лет. Прости меня, ради бога... Эта чертова коробка передач, я совсем... совсем голову потерял.

Он шагнул к ней, обнял крепко, утыкаясь носом в её волосы. От него пахло жареным луком и растерянностью.

Наташа улыбнулась и обняла его в ответ — мягко, без обиды и претензий. Письмо снова оказалось правым. Он просто устал. И он её любит.

— Всё хорошо, Андрей, — тихо сказала она, поглаживая его по спине. — Всё хорошо. С праздником нас. А коробку мы починим.

Она стояла в объятиях мужа, смотрела на улыбающихся детей и понимала: сквозной ответ романа уже начинает работать. Можно стать собой, не разрушая то, что любишь. Но для этого нужно просто иметь смелость иногда надеть зелёное платье и уйти пить кофе в одиночестве.

Пятая глава завершена. Наташа совершила свой первый, важнейший шаг к внутренней свободе, и семья приняла это, хоть и через удивление.

Глава 6. Эффект бабочки на кухне

Воскресное утро встретило Наталью Нестерову непривычной, почти пугающей тишиной. Никто не топал в коридоре, не хлопал дверцей холодильника и не вопил на всю квартиру, что утренний чай недостаточно горячий. Часы на прикроватной тумбочке показывали половину десятого. Для женщины, которая последние четырнадцать лет просыпалась по внутреннему будильнику в шесть тридцать, это было сродни преступлению.

Наташа села на кровати, потянулась и прислушалась. Из кухни доносился странный, ритмичный грохот, металлический звон и приглушённое шипение. Похоже было, что там либо собирали андронный коллайдер, либо кто-то очень неловко пытался хозяйничать.

Накинув трикотажный кардиган, Наташа тихонько вышла в коридор и заглянула на кухню. Картина, представшая её взору, заслуживала отдельного холста в галерее бытового искусства.

Андрей, одетый в свои старые спортивные штаны и футболку с надписью «Лучший логист 2022», стоял у плиты с блинной сковородкой в руке. На лбу у него красовался аккуратный мазок от муки, а вокруг на столе царил живописный хаос: разбитая скорлупа, разлитое молоко, открытый пакет с сахаром, из которого тонкой струйкой сыпался белый песок прямо на пол. Лиза сидела на подоконнике, завернувшись в плед, и с искренним ужасом наблюдала за отцовскими кулинарными маневрами. Егор, как обычно, дислоцировался за столом. Перед ним стоял стакан воды, а сам он методично вбивал что-то в калькулятор на телефоне.

— Андрей? — осторожно подала голос Наташа. — Вы решили устроить кулинарный поединок без объявления войны?

Муж резко повернулся, и в этот момент несчастный блин, который он пытался подкинуть, как заправский шеф-повар, шмякнулся прямо на кафельный фартук над плитой и медленно сполз за раковину.

— Наташа! Ты уже встала? — Андрей смутился, попытался спрятать сковородку за спину, но вовремя понял, что это глупо. — Я тут... в общем, мы с детьми решили, что ты должна сегодня отдохнуть. Вчерашний день... ну, в общем, я решил загладить вину и приготовить фирменные блины по рецепту моей тёти из Вологды. Но у неё в рецепте написано «муки на глаз», а у меня этот глаз, кажется, настроен только на кубометры грузов. Они либо рвутся, либо превращаются в подошву.

Наташа не выдержала и тихо рассмеялась. Весь её вчерашний бунт, зелёное платье и побег в кафе кондитерскую запустили в доме эффект бабочки. Система, которая годами работала на её ресурсе, вдруг попыталась перестроиться. И это было одновременно смешно и очень трогательно.

— Так, вологодский шеф-повар, отдай оружие, — Наташа подошла к плите и мягко забрала у мужа сковородку. — Для начала добавь в это тесто немного тёплой воды и пару ложек растительного масла, чтобы они не прилипали. И вытри муку со лба, а то ты похож на мельника, у которого украли мешок пшеницы.

— Мама, спасительница! — трагически воскликнула Лиза, сползая с подоконника. — Папа уже испортил четыре блина, и один из них Егор закопал в мусорное ведро, потому что им можно было забивать гвозди!

— Я просто утилизировал неликвидный продукт, — подал голос Егор, не поднимая глаз от телефона. — По моим подсчётам, себестоимость одного съедобного блина от папы сейчас составляет примерно четыреста рублей с учётом расхода электричества и испорченных продуктов. Мама, твои блины экономически выгоднее на триста процентов.

— Рад, что ты ценишь мою экономику, сын, — хмыкнул Андрей, но послушно взял тряпку и начал вытирать разлитое молоко. Было видно, что ему очень хочется угодить жене. Напоминание о забытой годовщине всё ещё сидело в нём чувством вины.

Наташа быстро реанимировала тесто, и через пять минут по кухне поплыл правильный, уютный запах поджаристого теста. Лиза крутилась рядом, но Наташа заметила, что дочка смотрит на неё как-то иначе — с прищуром и лёгкой обидой.

— Мам, а ты вчера долго в кафе сидела? — как бы между прочим спросила Лиза, вылавливая пальцем каплю варенья из розетки.

— Часа два, Лизок. А что?

— Да ничего... Просто ты ушла такая... в зелёном платье, накрашенная. Нас бросила с пельменями. И телефон не брала. Я тебе два раза звонила, между прочим! Мы не могли найти большую кастрюлю. Папа сказал, что ты имеешь право, но как-то это странно. У тебя появились какие-то секреты?

Наташа перевернула блин. На золотистой поверхности лопались маленькие пузырьки. Она посмотрела на одиннадцатилетнюю дочь. Лиза росла, и её детская эгоистичная уверенность в том, что мама — это её личная круглосуточная собственность, впервые дала трещину. Девочка ревновала. Ей не нравилось, что у мамы может быть жизнь за пределами школьных тетрадей и варки супа.

— Лиза, — Наташа отложила лопатку и повернулась к дочери. — Большая кастрюля всегда стоит на нижней полке в левом шкафчике, прямо за сковородками. Это во-первых. А во-вторых, у меня нет секретов. Но у меня есть моё личное время. Иногда маме нужно просто побыть одной, попить кофе и подумать. Это не значит, что я вас меньше люблю. Это значит, что мне тоже нужно отдыхать, чтобы быть весёлой и доброй. Понимаешь?

Лиза надула губы, потеряла завязку халата, но вслух ничего не сказала. Только покосилась на мамину кожаную сумку, которая стояла на стуле в углу кухни. Из бокового кармана сумки чуть-чуть высовывался тот самый новый кожаный блокнот, в который Наташа вчера записывала историю про бога Трндаза.

Егор, наблюдавший за этой сценой, вдруг закрыл калькулятор и посмотрел на мать своим взрослым, анализирующим взглядом.

— Мама права, Лиз, — неожиданно произнёс он. — В системном анализе это называется «профилактика выгорания ведущего элемента». Если элемент перегорит, вся система встанет. Так что пусть мама пьёт свой кофе. Пап, дай тряпку, я пол вытру.

Андрей, который в этот момент безуспешно пытался оттереть присохший блин от кафеля, благодарно посмотрел на сына: — Золотые слова, Егор. Наташ, ты пеки, пеки. Мы тут сами всё до ума доведём.

Наташа вернулась к плите, но её сердце наполнилось удивительной, тихой радостью. Её тринадцатилетний сын понимал больше, чем взрослый муж. Или, может быть, он просто видел мир шире? В любом случае, её маленькая крепость под названием «семья» не рухнула от её вчерашнего демарша. Наоборот, в ней появились новые, непривычные звуки — например, звук того, как муж и сын совместно отмывают кухню.

После завтрака, когда Андрей уехал в гараж («Надо всё-таки с мужиками проконсультироваться по поводу этой коробки, вдруг официалы разводят»), а Егор ушёл к себе делать уроки, Наташа решила заняться стиркой. Она собрала вещи по комнатам и зашла в ванную.

Возле стиральной машины стояла Лиза. Она держала в руках мамину сумку. Девочка не копалась внутри, нет — она просто стояла и аккуратно, кончиками пальцев трогала торчащий из кармана блокнот. На лице одиннадцатилетней девочки было написано сложное сочетание любопытства и какого-то детского страха одиночества.

— Лиза, — тихо позвала Наташа, входя в ванную.

Девочка вздрогнула и почти испуганно отдернула руку. Лицо её мгновенно залилось краской.

— Я... я ничего не брала, мам! Честно! Я просто хотела расчёску посмотреть, у меня моя потерялась... — начала быстро оправдываться она.

Наташа вздохнула, подошла к дочке и обняла её за плечи. Ревность Лизы была понятна. Девочка чувствовала, что мама ускользает из её привычного, подконтрольного мира.

— Лиз, ну зачем ты придумываешь про расчёску. Тебе интересен блокнот?

Лиза опустила голову, уткнулась носом в мамин кардиган и тихо буркнула:— Интересен. Ты вчера в нём что-то писала в кафе. Очень долго. Я видела, когда ты пришла, ты его сразу в сумку спрятала. Раньше ты в блокнотах только планы уроков писала или списки продуктов. А этот... он другой. Он красивый. Ты что, пишешь дневник? Про нас? Про то, как мы тебя достали?

Наташа почувствовала, как к горлу подступил тёплый комоч. Сколько же в детях этой подсознательной тревоги! Они готовы винить себя во всём, даже в маминой усталости.

— Глупенькая моя, — Наташа поцеловала дочь в макушку, от которой пахло детским шампунем с ароматом клубники. — Никто меня не достал. Я вас очень люблю. В этом блокноте нет ничего про вас. Там... сказка.

— Сказка? — Лиза подняла голову, и её глаза мгновенно округлились от любопытства. — Какая сказка? Про принцесс?

— Нет, не про принцесс. Про древние горы, про огненных богов и про девочку по имени Анаит, которая пытается сохранить тепло в своём доме, когда вокруг ползёт холодный туман.

— Ого... — Лиза явно была заинтригована. — А мне почитаешь?

Наташа на секунду задумалась. Текст был ещё совсем сырым, написанным на салфетках и в спешке на кухне. Но взгляд дочери — просящий, ищущий контакта — заставил её принять решение.

— Почитаю, Лиз. Но чуть позже, когда напишу побольше. Договорились? А сейчас помоги мне, пожалуйста, рассортировать бельё. Белое к белому, цветное к цветному.

— Договорились! — Лиза мгновенно повеселела, ревнивая тучка над её головой рассеялась, и она с энтузиазмом принялась швырять носки в корзину.

Ближе к вечеру, когда стирка была закончена, а на плите булькал свежий суп (который Наташа сварила уже совершенно спокойно, без привычного надрыва и спешки), она решила выпить чаю. Семья разъехалась: Андрей всё ещё пропадал в гаражах, Егор ушёл на пробежку, а Лиза убежала к подруге со второго этажа.

Наташа налила в любимую чашку со сколом горячую воду, бросила туда пакетик обычного чёрного чая и села за кухонный стол. Напротив неё лежал её рабочий блокнот. Она открыла его на той странице, где остановилась вчера ночью.

Пальцы привычно взяли ручку. Наташа закрыла глаза, настраиваясь на волну своей истории. Ей нужно было прописать сцену, где Анаит впервые спорит со старейшинами деревни, доказывая, что огонь нельзя прятать под замком, иначе он просто задохнётся без воздуха. Это был важный, переломный момент для её героини.

Едва ручка коснулась бумаги, Наташа сделала глубокий вдох и замерла.

Пакетик обычного чёрного чая «Гринфилд», купленный в соседней «Пятёрочке» по акции, вдруг повёл себя совершенно неадекватно. Вода в чашке потемнела, приобретя густой, янтарный оттенок, а по кухне поплыл такой мощный, концентрированный аромат, что Наташа невольно зажмурилась.

Это был запах настоящего, дикого чабреца, смешанный со сладковатым привкусом сушёного горного шиповника и горьковатой ноткой мяты. Запах был настолько реальным, что Наташе на секунду показалось, будто под её ногами не линолеум, а сухая, нагретая солнцем трава. Она открыла глаза. Кухня осталась прежней — те же бежевые обои, тот же подтекающий

кран, та же сковорода на плите. Но чай в её чашке пах так, словно его собрали вручную на склонах Арагаца.

Наташа сделала маленький глоток. Вкус был потрясающим — терпким, согревающим, с лёгким вяжущим послевкусием.

В кармане домашних брюк завибрировал телефон. Наташа достала его, думая, что это Андрей звонит сообщить печальные новости про коробку передач. Но на экране высветилось системное сообщение от календаря. Обычное стандартное напоминание, которое она сама никогда не настраивала.

На экране горели чёткие буквы: «12 сентября 2036 года. Презентация романа "Огонь Анаит" в Мадриде. Не забудь надеть зелёное платье. P.S. Чай с чабрецом отлично помогает от писательской блокировки. Пей больше».

Наташа смотрела на экран телефона, и по её коже пробежали мурашки — не от страха, а от какого-то глубинного, звенящего восторга. Магия её будущего не просто отправляла ей письма. Она просачивалась в её настоящее через чашки чая, через системные уведомления, через меняющееся поведение её семьи.

Она аккуратно поставила чашку на стол, взяла ручку и начала писать. Строчки ложились на бумагу легко и свободно, словно Анаит сама вела её руку. Наташа больше не пыталась контролировать логику происходящего. Она просто доверилась этому соленому ветру из 2036 года, который медленно, но верно разворачивал её маленькую лодочку в сторону большого и прекрасного океана.

Глава 7. Ноябрь 2026. День рождения Егора

К середине ноября Санкт-Петербург окончательно растерял остатки золотой осени. За окнами тридцать второй гимназии висела свинцовая сырость, а по утрам лужи подергивались хрупкой, как слюда, ледяной коркой.

Для Натальи Нестеровой ноябрь всегда был самым тяжелым месяцем в году. В школе начиналась бесконечная суeta с первыми пробными тестами, репетиторские ученики внезапно осознавали, что до экзаменов осталось чуть больше полугода, и начинали паниковать, а дома наваливался вечный полумрак — рассветало поздно, темнело рано, и жизнь казалась сплошным переходом от одной лампочки к другой.

Но этот ноябрь был особенным. Пятнадцатого ноября Егору исполнялось четырнадцать лет. Получение паспорта. Первый серьезный рубеж.

Утро воскресенья Наташа провела у плиты. На кухне стоял умопомрачительный запах ванили, заварного крема и песочных коржей — она пекла огромный «Наполеон», фирменный торт, который Егор обожал с детства. Рядом на столе высилась гора мытой посуды, а в духовке уже шкворчало мясо для праздничного обеда.

Андрей уехал забирать заказанный подарок — крутой квадрокоптер, о котором Егор грезил последние полгода, а Лиза заперлась в своей комнате, увлеченно упаковывая для брата какую-то самодельную открытку, судя по доносившемуся оттуда шороху фольги и запаху клея.

Наташа аккуратно подровняла края торта, посыпая его хрустящей крошкой, и вдруг поймала себя на том, что смотрит на кухонную дверь, на косяке которой Андрей каждый год делал карандашные отметки роста детей. Самая верхняя черточка с надписью «Егор, 13 лет» уже казалась удивительно низкой. Неделю назад они мерили рост, и сын перерос её, Наташу, почти на целую голову.

Четырнадцать лет. Наташа опустила руки в раковину и включила теплую воду. Внутри нее поднялась странная, щемящая волна. Как это произошло? Когда этот маленький, смешной карапуз в колготках с вытянутыми коленками превратился в молчаливого, серьезного парня, который рассуждает о системном анализе и контролирует свои эмоции лучше, чем его отец? Время не просто шло, оно летело со скоростью курьерского поезда, унося с собой детство её детей.

И вместе с этим поездом куда-то улетала её собственная жизнь.

«Потом, — всегда думала Наташа, заталкивая свои желания поглубже. — Вот Егор пойдет в школу, тогда... Вот Лиза подрастет, тогда... Вот закроем кредит за машину...» Но Егор уже получает паспорт. Лиза требует платье в пайетках. Машина давно отремонтирована. А это мифическое «тогда» всё никак не наступало, сменяясь новыми бытовыми «надо».

Наташа вытерла руки полотенцем, подошла к своей сумке, стоявшей на стуле, и вытащила из кармана тот самый плотный крафтовый конверт — первое письмо из будущего, которое она теперь носила с собой как талисман. Она не перечитывала его каждый день, но само его присутствие давало ей странное чувство опоры.

«Перестань думать, что твои желания — это то, что можно отложить на лето, на пенсию, на "когда дети вырастут"», — вспыхнули в памяти строчки.

Наташа решительно вернулась на кухню, открыла ноутбук и зашла на сайт литературного портала. Накануне Марина прислала ей ссылку: крупное издательство объявило всероссийский конкурс рукописей «Новое слово» в жанре фэнтези. Прием работ заканчивался сегодня, пятнадцатого ноября, ровно в полночь.

У Наташи было готово пять глав. Около шестидесяти тысяч знаков. Живых, пахнущих чабрецом и костром страниц про бога Трндаза и упрямую девочку Анаит. Она перечитывала их

вчера ночью и сама удивлялась — неужели это написала она? Обычная учительница русского языка?

Пальцы зависли над клавиатурой. В графе «Псевдоним» нужно было ввести имя. Наташа не хотела отправлять текст под своей фамилией — боялась, что кто-то из коллег или учеников случайно наткнется на конкурсный лонг-лист. Она посмотрела на дедушкины серебряные часы, которые теперь всегда лежали рядом с компьютером. На задней крышке четко виднелась гравировка «А.Р.». Александр Рачевский. Её любимый дедушка по материнской линии, человек с трудной судьбой, который безумно любил книги и всегда говорил ей, маленькой: «Наташка, ты у меня особенная, ты весь мир по-своему видишь».

— Рачевская, — прошептала Наташа. — Пусть будет Наталья Рачевская. В честь тебя, деда.

Она быстро заполнила анкету, прикрепила файл с первыми главами «Огня Анаит» и замерла перед большой синей кнопкой «Отправить работу на конкурс». Внутри всё кричало от страха: *«Куда ты лезешь? Тебе сорок два года! Какое фэнтези? Сними розовые очки!»*

Но в этот момент входная дверь с шумом распахнулась, в прихожую ворвался веселый голос Андрея, шуршание огромных пакетов и смех Лизы, которая выскочила встречать отца.

Наташа посмотрела на синюю кнопку, зажмурилась и решительно кликнула мышкой. Экран мигнул, и появилась надпись: **«Ваша рукопись успешно отправлена на конкурс. Желаем удачи, Наталья Рачевская!»**

Она захлопнула ноутбук, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Всё. Мост сожжен. Первое зерно брошено в землю.

Праздничный обед прошел шумно и весело. Андрей превзошел сам себя — подарок в виде огромной коробки с дроном произвел на Егора колоссальное впечатление. Серьезный и сдержанный подросток на секунду снова стал тем самым маленьким мальчиком: его глаза горели, он бережно вытаскивал пропеллеры и рассматривал камеру.

Лиза вручила брату огромный плакат-коллаж, где были собраны его самые смешные детские фотографии — Егор в чепчике, Егор с измазанным шоколадом лицом, Егор, спящий в обнимку с котом.

— Лиза, это компромат, — притворно нахмурился Егор, но бережно свернул плакат и отложил в сторону. — Спасибо. Это... мило.

Когда пришло время десерта, Наташа торжественно внесла на кухню «Наполеон» с четырнадцатью тонкими свечами. В комнате выключили свет, и огоньки свечей мягко осветили лица её семьи.

— Загадывай желание, сын, — тихо сказал Андрей, приобнимая Наташу за талию.

Егор посмотрел на свечи, потом перевел взгляд на маму. Наташа улыбнулась ему — тепло и нежно. Сын закрыл глаза, сделал глубокий вдох и одним выдохом задул все четырнадцать огоньков. Кухню на секунду заволокло легким белым дымком от фитилей.

И в эту самую секунду Наташа почувствовала, как воздух вокруг нее изменился.

Дым от свечей не пах привычной гарью и воском. Сквозь него, пробивая все кондитерские ароматы ванили и крема, отчетливо и мощно проступил запах... спелого, сочного инжира. Насыщенный, сладкий, южный аромат, который обычно висит над садами где-нибудь в теплых странах в конце лета. И вместе с ним — легкий, едва заметный шлейф сухого чабреца.

Наташа удивленно моргнула. Лиза и Андрей ничего не заметили — они уже включили свет и шумно обсуждали, как правильно резать торт, чтобы он не крошился. Но Егор... Егор вдруг принялся, посмотрел на маму своим внимательным, анализирующим взглядом и тихо, так, чтобы не слышали остальные, спросил:

— Мам, а чем это пахнет? Какими-то фруктами странными. У нас же нет инжира?

Наташа замерла с ножом в руке. Она посмотрела на своего взрослого сына и поняла: дети растут не для того, чтобы уйти и оставить нас в одиночестве. Они растут для того, чтобы стать нашими первыми свидетелями. Чтобы заметить, как мы меняемся.

— Это пахнет югом, Егорушка, — тихо, с загадочной улыбкой ответила она. — Настоящим, далеким югом. Где тепло и растет инжир.

— Понятно, — Егор кивнул, и в его глазах мелькнуло новое, взрослое уважение к матери. — Значит, хорошая у тебя сказка получается, мам. Пиши дальше.

Наташа отрезала ему самый большой кусок торта, чувствуя, как внутри нее расправляются те самые крылья, которые она так долго прятала на антресолях. Ей было сорок два года. Её сыну исполнилось четырнадцать. Она официально стала Натальей Рачевской в виртуальном мире литературы. И её «потом» началось прямо сейчас, на этой обычной питерской кухне, под аккомпанемент детского смеха и запаха экзотических фруктов.

Глава 8. Письмо со штампом «Отказ»

Декабрь две тысячи двадцать шестого года ворвался в Санкт-Петербург не пушистой рождественской сказкой, а колючей крупой, штормовым ветром с залива и бесконечными серыми сумерками. Световой день сократился до ничтожных пяти часов. Казалось, город погрузился в затяжной анабиоз, где люди передвигались по улицам, как сонные сомнамбулы, кутаясь в пуховики и пряча лица от ледяной измороси.

Для Натальи Нестеровой этот месяц превратился в изматывающий бег с препятствиями. В гимназии полным ходом шла подготовка к полугодовым контрольным, электронный журнал требовал круглосуточного внимания, а завуч Валентина Ивановна устраивала еженедельные рейды по кабинетам, проверяя соответствие планов воспитательной работы новым стандартам. Дома тоже было не легче. Андрей закрывал годовые контракты на работе и возвращался поздно, злой и выжатый как лимон. Лиза капризничала из-за плохих оценок по математике, а Егор, получивший свой первый паспорт, стал ещё более замкнутым и тихим, часами пропадая за подготовкой к олимпиаде по физике.

В этой круговерти быта у Наташи оставался лишь один крошечный островок спасения — её ноутбук. Тайком, глубокой ночью, когда квартира затихала, она садилась за кухонный стол и писала. История про Анаит и бога Трндаза разрасталась, обретала плоть, наливалась сочными красками армянского лета. Это была её личная, тщательно охраняемая тайна. Каждое утро, перед тем как заварить семье кофе, Наташа заходила в электронную почту. Сердце каждый раз делало трусливый кульбит, но папка «Входящие» упорно хранила молчание. Прошел ровно месяц с тех пор, как она отправила первые главы на всероссийский конкурс рукописей «Новое слово». Месяц надежд, глупых мечтаний и ежесекундного ожидания чуда.

Двадцать первого декабря, в день зимнего солнцестояния, Наташа вернулась домой особенно разбитой. Четвертый класс подряд писал изложение, голова гудела от тридцати одинаковых текстов про «зимующих птиц нашего края», а в кармане вибрировал телефон — Андрей прислал сообщение, что задержится на совещании до девяти вечера.

Наташа разулась в темной прихожей, на ходу скидывая тяжелые зимние сапоги. В квартире пахло одиночеством и остывшим обедом. Из комнаты Лизы доносились ритмичные звуки какой-то современной музыки — дочка опять вместо уроков залипала в соцсетях.

Наташа прошла на кухню, поставила сумку на стул и первым делом включила чайник. Чтобы хоть как-то отвлечься, она вытащила телефон, зашла в браузер и по привычке обновила страницу почтового ящика.

Там горело одно новое непрочитанное письмо. От оргкомитета конкурса «Новое слово».

Пальцы Наташи мгновенно стали ледяными, а дыхание перехватило. Она присела на край стула, чувствуя, как внутри всё сжимается от сладкого и одновременно жуткого предвкушения. Она кликнула на тему сообщения.

«Уважаемая Наталья Рачевская!

Оргкомитет всероссийского литературного конкурса рукописей "Новое слово" благодарит вас за участие и за интерес, проявленный к нашему проекту. Экспертный совет закончил рассмотрение заявок, присланных в номинации "Фэнтези и мистика".

С сожалением вынуждены сообщить, что ваша рукопись "Огонь Анаит" не вошла в лонг-лист конкурса. Ридеры отметили хороший стиль повествования и грамотный русский язык, однако, по мнению нашей редакционной коллегии, жанр этно-фэнтези на основе малоизвестной мифологии в данный момент не является коммерчески перспективным. Книжный рынок перенасыщен сказочными историями, и сейчас издательство отдает приоритет более трендовым направлениям — городскому романтическому фэнтези и азиатским мотивам.

Желаем вам творческих успехов и надеемся на понимание.

С уважением, ответственный секретарь конкурса А. В. Кравцова».

Слово «С сожалением» казалось жирным, черным клеймом, выжженным прямо посреди экрана. Наташа медленно опустила руку с телефоном на колени. Свист закипающего чайника на мгновение показался ей оглушительным, но она не двинулась с места.

Внутри неё словно с треском лопнула натянутая струна, которая поддерживала её все эти недели. По щеке поползла горячая, глупая слеза. Ну конечно. Ну какая из неё писательница? Какая Наталья Рачевская? Ей сорок два года. Она обычная школьная училка, погрязшая в проверке чужих безграмотных изложений. Её удел — исправлять ошибки в слове «лучом» и объяснять правила пунктуации. Как она вообще могла поверить в эти дурацкие письма? Какая Испания, какая экранизация? Это была просто изощренная, жестокая шутка её собственного переутомленного мозга, галлюцинация женщины, у которой из радостей жизни остались только скидки в супермаркете и покупка куртки для сына.

— Мам, ты чего в темноте сидишь? Чайник сейчас взорвется, — на кухню вошел Егор. Он щелкнул выключателем, и яркий люминесцентный свет безжалостно резанул Наташу по глазам.

Она судорожно смахнула слезу тыльной стороной ладони и отвернулась к плите.

— Ой, Егорушка, задумалась просто. Сейчас выключу. Ты голодный? Там в холодильнике тефтели есть, давай разогрею.

Сын не ответил. Он подошел ближе, внимательно всмотрелся в её профиль, заметил покрасневшие глаза и опущенные плечи. Егор молча протянул руку, сам выключил чайник и сел напротив матери за стол.

— Что случилось, мам? В школе проблемы? Опять завуч придиралась?

— Нет, Егор, всё хорошо. Просто устала очень. Конец четверти, сама понимаешь... — Наташа попыталась улыбнуться, но губы её задрожали.

Егор посмотрел на её телефон, лежащий на столе экраном вверх, где всё ещё было открыто злополучное письмо от Кравцовой. Он умел читать между строк и анализировать ситуации быстрее любого взрослого.

— Это из-за твоей книги, да? Отказали?

Наташа закрыла лицо руками и тихо, сдерживая рыдания, закивала. Ей было невыносимо стыдно перед сыном за свою слабость, за то, что она, взрослая женщина, плачет из-за какой-то несбывшейся фантазии.

Егор вздохнул, протянул свою длинную подростковую руку и неловко, но крепко сжал её запястье.

— Мам, послушай меня. Ты сама учила меня, что оценки в школе — это субъективное мнение конкретного учителя. Помнишь, когда мне по литературе четверку поставили за сочинение, ты сказала, что это просто не совпало со вкусом Валентины? Так вот, эти твои издатели — те же учителя. Они просто не поняли. Твоя книга классная. Я же читал те главы, которые ты мне показывала. Про Трндаза — это вообще топ. Так что забей на них. Они дураки.

Наташа убрала руки от лица и удивленно посмотрела на сына. В его глазах — серьезных, не по-детски понимающих — горела такая искренняя вера в неё, что серая пустыня в её душе вдруг начала подергиваться едва заметным теплом.

— Спасибо, Егорушка, — прошептала она, сжимая его пальцы в ответ. — Ты у меня такой взрослый стал.

— Ладно, я пойду, мне ещё физику доделывать, — Егор поднялся, явно смущенный собственным эмоциональным порывом. — А тефтели я сам разогрею. Ты посиди, отдохни.

Когда сын ушел, Наташа осталась одна. Слова Егора немного утешили её, но творческая рана всё равно саднила. Она потянулась к своей сумке, чтобы достать рабочий блокнот и убрать его с глаз долой — в самый дальний угол шкафа, к старым аспирантским конспектам, которые никогда больше не пригодятся. Хватит играть в писательницу. Поиграли и будет.

Но когда её пальцы скользнули в боковой карман сумки, они наткнулись на что-то твердое и объемное, чего там точно не должно было быть.

Наташа нахмурилась, вытащила руку и замерла. На ладони лежал плотный, шероховатый крафтовый конверт. Третье письмо.

Его не было там днем, когда она проверяла тетради в учительской. Оно не могло там появиться само по себе. Но оно лежало — осязаемое, реальное, с красивой маркой, на которой был изображен маяк на скале. И от него исходил сильный, концентрированный аромат. Но это был не запах чабреца. Теперь письмо пахло... спелым, сладким инжиром, нагретой солнцем землей и дорогой, свежей типографской краской.

Наташа судорожно, разрывая плотные края бумаги, вскрыла конверт. Внутри был один аккуратно сложенный лист. Почерк — размашистый, её собственный — мгновенно заставил её сердце забиться в бешеном темпе.

«Милая моя, глупенькая Наташа.

Я знаю, что ты сейчас сидишь на кухне под этой дурацкой мигающей люминесцентной лампой, шмыгаешь носом и чувствуешь себя полной бездарностью. Ты только что прочитала вежливую отписку от А. В. Кравцовой из "Нового слова" и уже мысленно похоронила нашу Анаит. Ты решила убрать блокнот на антресоли и вернуться к своей правильной, серой жизни.

Не смей. Слышишь меня? Не смей этого делать.

Я пишу тебе это, чтобы рассказать одну вещь, о которой ты пока не знаешь. Это издательство, которое проводит конкурс, обанкротится в ноябре две тысячи двадцать девяттого года. Их генеральный директор окажется жуликом, они наберут кредитов и закроются с огромным скандалом. За все эти годы они не угадают ни одного крупного книжного тренда. Их экспертный совет — это сборище слепых кротов, которые ищут то, что продавалось вчера, и совершенно не видят того, что выстрелит завтра.

Их отказ — это не приговор твоему таланту. Это знак того, что боги уберегли твою книгу от их кривых рук. Если бы они взяли твою рукопись, они бы заставили тебя переписать финал, убрать весь колорит, вырезать Трндаза и превратить нежную магию в дешевый боевик с драконами. Ты бы возненавидела свой текст еще до того, как он вышел из типографии.

Ты носишь фамилию Рачевская. Вспомни дедушку Сашу. Вспомни, как в девяностые у него в колхозе из-за ранних заморозков замерз весь озимый рапс. Все руками развели, а он пошел, занял денег и пересадил всё заново. И у него у единственного в районе был урожай. Родовая упрямая кровь в тебе течет, Наташка. Утри слезы.

А теперь самое главное. Твое предсказание на эту неделю. Ровно через три дня, двадцать четвертого декабря, в четверг, ты зайдешь на сайт Самиздата и просто выложишь первые три главы "Огня Анаит" в открытый доступ. Ни на что не надейся. Просто так. А в пятницу вечером на твою ссылку наткнется один скромный, но очень преданный своему делу литературный блогер по имени Илья. У него всего пять тысяч подписчиков, но его читают правильные люди. Он напишет такой отзыв, от которого у тебя рухнет сайт от наплыва читателей. Вот с этого крошечного шага и начнется лавина.

Сделай глоток чая. Посмотри на дедушкины часы. И открой ноутбук.

Твоя Наталья Рачевская. Из будущего, где А. В. Кравцова работает простым модератором в твоём официальном фан-клубе и очень гордится этим».

Наташа дочитала до последней строчки и вдруг прыснула со смеху — громко, искренне, на всю пустую кухню. Последний пассаж про Кравцову был написан с таким великолепным, тонким ехидством, которое могло принадлежать только ей самой.

Тяжелый, свинцовый ком, давивший на грудь весь вечер, стремительно растаял. Обида ушла, уступая место какому-то злему, азартному упрямству. Она посмотрела на серебряные

дедушкины часы, лежащие на столе. Стрелки всё так же застыли на одиннадцати минутах пятого, но полированный металл корпуса словно светился изнутри мягким, янтарным светом.

— Ну хорошо, дедушка Саша, — тихо произнесла Наташа, погладив прохладное стекло часов. — Озимый рапс, значит? Пересаживаем.

Она решительно открыла ноутбук. Экран привычно осветил её лицо, на котором больше не было слёз. Наташа зашла в браузер, зарегистрировала аккаунт на популярной литературной платформе под псевдонимом Наталья Рачевская и уверенными движениями пальцев скопировала туда первые три главы своей книги. Без всяких конкурсов, без надежды на одобрение напыщенных экспертов. Просто так. В мир. На волю ветра.

Когда кнопка «Опубликовать» была нажата, Наташа открыла свой рабочий файл с четвертой главой. Она сделала глубокий вдох, чувствуя, как по кухне начинает медленно распространяться удивительный, густой аромат спелого инжира и сухой горной травы.

Её пальцы легли на клавиатуру, и строчки побежали по экрану легко и свободно. Ей больше не нужны были чужие оценки. Она выбирала себя, страницу за страницей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.